

Д.С. МЕРЕЖКОВСКИЙ: ПИСАТЕЛЬ – КРИТИК – МЫСЛИТЕЛЬ

Сборник статей

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
ДМИТРИЙ СЕЧИН
ЛИТФАКТ
МОСКВА 2018**

Утверждено к печати Ученым советом ИМЛИ РАН
БИБЛИОТЕКА «ЛИТЕРАТУРНОГО НАСЛЕДСТВА»

Новая серия. Выпуск 3

Редакторы серии *О.А. Коростелев, С.И. Панов*

Редакционная коллегия выпуска:
*Е.А. Андрущенко, А. Дудек, О.А. Коростелев, В.В. Полонский,
Е.А. Тахо-Годи, А.А. Холиков*

Рецензенты:
*доктор филологических наук О.А. Клинг
доктор филологических наук Д.М. Магомедова*

М52 **Д.С. Мережковский: писатель – критик – мыслитель:**
Сборник статей / Ред.-сост. О.А. Коростелев, А.А. Холиков. –
М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», Литфакт, 2018. – 687 с.
ISBN 978-5-9500994-1-0

В основу первого раздела сборника легли доклады, прозвучавшие на международной научной конференции «Д.С. Мережковский: писатель – критик – богослов. К 75-летию со дня смерти мыслителя», проведенной в Москве 8–10 декабря 2016 г. Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН совместно с Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» и журналом «Соловьевские исследования». В конференции приняли участие 45 исследователей из девяти стран: России, США, Франции, Великобритании, Японии, Латвии, Польши, Венгрии, Украины. Помимо текстов докладов включены статьи, написанные специально для сборника.

Во втором разделе печатаются неизвестные и забытые тексты Д.С. Мережковского, библиографии публикаций его эпистолярного наследия, а также исследований о его жизни и творчестве.

ББК 83.3

© О. Коростелев, А. Холиков, составление, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Дмитрий Сечин», Литфакт, 2018

ISBN 978-5-9500994-1-0

От составителей

Предлагаемое издание – не первый сборник статей о Дмитрие Сергеевиче Мережковском (1865–1941)¹, который состоялся как автор, широко известный не только в России, но и за ее пределами. Его книги переведены на десятки языков. Т. Манн, по собственному признанию, вообще не убирал со стола беспримерной работы Мережковского о Н.В. Гоголе, а Г. Брандес еще в 1903 г. назвал своего современника одним из наиболее видных представителей России. По справедливому замечанию В.Э. Вацура, «Мережковский написал очень много, работал в литературе 50 лет, и его биография – по существу, есть история движения символистов, а полемика вокруг его сочинений – история взаимодействия и размежевания двух литературных эпох. В этом качестве не выступает даже Блок, при всей разнице масштабов дарований»².

Творческое наследие Мережковского, отличаясь разнообразием форм, не уместится в рамки не только литературного, но и культурного поля³. Неудивительно, что к нему обращаются гуманитарии всех мастей: литературоведы, лингвисты, философы, историки, культурологи, искусствоведы. В основу *первого раздела* предлагаемого читателю нового сборника статей и материалов положены доклады, прозвучавшие на международной научной конференции «Д.С. Мережковский: писатель – критик – богослов. К 75-летию со дня смерти мыслителя», проведенной в Москве 8–10 декабря 2016 г. Институтом мировой литературы имени А.М. Горького РАН совместно с Библиотекой истории русской философии и культуры «Дом А.Ф. Лосева» и журналом «Соловьевские исследования». Организаторам конференции удалось привлечь ведущих специалистов из России, США, Франции, Великобритании, Японии, Латвии, Польши, Венгрии, Украины. Публикуемые исследования охватывают несколько проблемных полей: особенности поэтики, восприятие культурной традиции – от античности до русской классики XIX столетия,

¹ См. избранную библиографию исследований о жизни и творчестве Д.С. Мережковского в приложении к данному тому (сост. А.А. Холиков).

² Цит. по: В.Э. Вацура: Материалы к биографии. М.: Новое лит. обозрение, 2005. С. 417.

³ См. об этом также в редакционной преамбуле к специальному номеру, посвященному юбилею Д.С. Мережковского: Toronto Slavic Quarterly. 2016. № 57.

«Две бездны» в русской литературной
и философской традиции: Ф. Тютчев, Д. Мережковский
и Вяч. Иванов

В.В. Петров

Аннотация: В статье рассматривается история концепции «двух бездн», образующая в русской литературе и философии развитую и богатую традицию. Указывается на библейские источники лексемы «бездна» в литературе. Обсуждаются астрономико-философский и креационистский контексты образа звездной «бездны» у М.В. Ломоносова. Указано, что создателем оригинальной и влиятельной концепции «двух бездн» является Ф.И. Тютчев, в сочинениях которого впервые обнаруживается онтологическое удвоение и амбивалентность бездны, нарушается однозначная ориентация «верх–низ», вводится мотив экзистенциальной заброшенности души, представленной в виде «нижней бездны». Постулируется, что важным этапом в насыщении образа «двух бездн» метафизическим содержанием становятся сочинения и идеи Д.С. Мережковского, в поэзии и прозе которого эта концепция переосмысливается, обогащается идеями, восходящими к Леонардо да Винчи, Данте, Ф. Ницше, усиливаясь теургическим принципом «что вверху, то и внизу», что ведет к онтологическому и аксиологическому уравниванию верхней и нижней бездн. Анализируется интерпретация сна о двух безднах из «Исповеди» Л.Н. Толстого у Д.С. Мережковского. Изучены особенности концепции «двух бездн» как важной составляющей мировоззрения Вяч. Иванова. Показано, что Иванов задействует практически все элементы предшествующей ему традиции, представленные в Библии, у Ломоносова, Тютчева, Данте и Мережковского, добавляя к ним концепцию взаимопроникновения микро- и макрокосма, восходящую к теориям И.В. Гёте и Г.В. Лейбница, а также идею всматривания двух Абсолютов друг в друга.

Ключевые слова: М.В. Ломоносов, Ф.И. Тютчев, Л.Н. Толстой, А.Л. Вольнский, Д.С. Мережковский, Ф. Ницше, Данте, Вяч. Иванов, Леонардо да Винчи, Г.В. Лейбниц, И.В. Гёте, Библия, Изумрудная скрижаль, сверхчеловек, зеркаление, теургия, две бездны, абсолют, макрокосм, микрокосм.

Информация об авторе: Петров Валерий Валентинович – доктор философских наук, доцент, главный научный сотрудник, директор Центра античной и средневековой философии и науки ФГБУН, Институт философии РАН, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1, 109240 Москва, Россия. E-mail: campas.iph@gmail.com

“Two abysses” in the Russian literary
and philosophical tradition: Fyodor Tyutchev,
Dmitry Merezhkovsky, and Vyacheslav Ivanov

Valery V. Petroff

Abstract: The article treats the history of the concept of “two abysses”, which forms a developed and rich tradition in Russian literature and philosophy. The biblical sources of the lexeme “abyss” in literature are pointed out. The astronomical-philosophical and creationist contexts of the image of the starry “abyss” in Mikhail Lomonosov are discussed. It is indicated that the creator of the original and influential concept of the “two abysses” was Fyodor Tyutchev, in whose works the ontological doubling and ambivalence of the abyss was first manifested, the unambiguous upper–lower orientation eroded, and the motive of the existential abandonment of the soul, presented in the form of the “lower abyss”, introduced. It is postulated that the important stage in saturation of the image of the “two abysses” with metaphysical content are the works and ideas of Dmitry Merezhkovsky, in whose poetry and prose this concept is reinterpreted, enriched by ideas that go back to Leonardo da Vinci, Dante Alighieri, and Friedrich Nietzsche, and strengthened by the theurgic principle “that which above is that which is below,” which leads to ontological and axiological equalization of the upper and lower abysses. Merezhkovsky’s interpretation of the dream about two abysses from Leo Tolstoy’s “A Confession” is analyzed. The details of the “two abysses” concept, as an important component of Vyacheslav Ivanov’s world view, are studied. It is shown that Ivanov engages almost all the elements of the preceding tradition, presented in the Bible, in Lomonosov, Tyutchev, and Merezhkovsky, adding to them the concept of interpenetration of the micro- and macrocosm (which goes back to the theories of Goethe and Leibniz), as the idea of the two Absolutes staring into each other.

Keywords: Mikhail Lomonosov, Fyodor Tyutchev, Leo Tolstoy, Akim Volynsky, Dmitry Merezhkovsky, Friedrich Nietzsche, Dante Alighieri, Vyacheslav Ivanov, Leonardo da Vinci, G.W. Leibniz, J.W. von Goethe, Bible, Tabula smaragdina, the Übermensch, mirroring, theurgy, two abysses, absolute, macrocosm, microcosm.

Information about author: Valery V. Petroff – DSc in Philosophy, Chief Research Fellow, Director of the Centre for Ancient and Mediaeval Philosophy and Science, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Goncharnaya str. 12/1, 109240 Moscow, Russia. E-mail: campas.iph@gmail.com

Судьба лексемы «бездна» в истории русской поэзии и литературы насыщена и прихотлива. Свои истоки она возводит к словарю Ветхого Завета в его славянском и Синодальном переводах: достаточно вспомнить «бездна бездну призывает», «разверзлись все источники великой бездны», «входил ли [ты] в исследование бездны?», «Он созерцает бездны и сокровенное в них» и т. д. Характерно, что в Ветхом Завете «бездна» в подавляющем числе случаев (два десятка раз) является синонимом водной стихии¹ и ассоциируется с водопадами, волнами, источниками, реками и пр. Из бездны можно напиться; ее поверхность замерзает; Господь насаждает на ней острова; Он повелевает ей: «иссохни», а также укрывает землю бездной, как одеянием. При этом почти все случаи ассоциаций «бездны» с водой приходятся на Ветхий Завет²; лишь однажды, в Евангелии от Луки (Лк 8:31–33), бесы сбрасываются в «бездну», которая далее оказывается озером/морем (ἡ λίμνη). А поскольку при творении мира Бог «отделил воду, которая под твердью, от воды, которая над твердью» (Быт 1:7), в библейской вселенной мы имеем не только «воду внизу», но и «воду сверху» (над небесным сводом). Во время потопа водная бездна, если не в буквальном, то в переносном смысле оказалась и сверху, и снизу: «Разверзлись все источники великой бездны, и водопады небес отворились, и лился на землю дождь» (Быт 7:11–12); «И закрылись источники бездны и водопады небес (οἱ καταράκται τοῦ οὐρανοῦ), и перестал дождь с неба» (Быт 8:2)³. Указанное обстоятельство следует учитывать, как доминанту важную для читателей, воспитанных в христианской традиции: подспудно библейская образность могла оказать влияние на формирование концепций двух бездн.

В русскую поэзию «бездну сверху» ярчайшим образом вводит М.В. Ломоносов в оде, написанной по случаю северного сияния 1743 года:

Открылась бездна звезд полна;
Звездам числа нет, бездне дна.

¹ Быт 1:2; 7:11 и 8:2; Иов 38:16; 38:30; Пс 41:8; 76:17; 77:15; 105:9; 103:1–6; 134:6; Притч 8:24; Сир 43:25–26; Ис 44:27; 51:10; 63:12–13; Иез 31:4; 31:15; Ион 2:6; 3 Езд 8:22; 16:58; Лк 8:31–33. В указанных местах, Синодальный перевод дает «бездну», греческий Септуагинты – «ἡ ἄβυσσος», еврейский текст – слово «ТЕГОМ» (תְּהוֹמִים), обозначающее глубокие воды. Лишь в Ис 44:27 использован гапакс «ЦУЛА» примерно с тем же значением.

² Уже в Быт 1:2, мы видим пример характерного для Библии параллелизма, при котором придаточное предложение является вариацией на тему первого, либо повторяя его иными словами, либо проясняя: «Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою». Здесь «над бездною» и «над водою» тождественны. Напротив, в такой поздней книге как Откровение, «бездна» с водой не ассоциируется.

³ Мы переводим, следуя греческому тексту Септуагинты (каковому большей частью следует и церковно-славянский перевод, которому следовал М.В. Ломоносов). В Синодальном переводе вместо греческих «водопадов небес» – «окна небес», что соответствует еврейскому тексту, где мы видим лексему АРУББА («окно, решетка, шлюз»).

Важен астрономико-философский контекст оды, который станет определяющим в последующей традиции:

Уста премудрых нам гласят:
«Там разных множество светов,
Несчетны солнца там горят,
Народы там и круг веков;
Для общей славы божества
Там равна сила естества»¹.

Ломоносов постулирует наличие бесчисленного множества солнц и планет, населенных разумными обитателями, имеющими свою историю, в сущности такими же, как мы². (Среди деталей, которые потом получают развитие у Тютчева и Мережковского, следующая: звездное небо раскрывается лишь после того, как «лице свое скрывает день».) Важно, что слова «открылась бездна» почти неизбежно заставляли вспомнить о «разверзлись... бездны» библейского повествования о потопе. Как уже сказано, там водные бездны неявным образом присутствовали и снизу, и сверху. И хотя «бездна» отнесена Ломоносовым к высшему пространству – черной глубине ночного неба, узус повседневной речи (в котором это слово означает преимущественно пропасть под ногами) и явственные для читателя той эпохи библейские коннотации – все подталкивает к тому, чтобы мысленно противопоставить этой верхней бездне ее зеркальную противоположность – бездну воды внизу.

Библейские истоки образа «бездны» у Ломоносова несомненны и подтверждаются его переложениями из Псалмов и книги Иова³. Философический дух оды 1743 г. не отменяет для Ломоносова библейского креационизма, каким он представлен в Псалмах («Вся Премудростию сотворил еси», Пс 103:24) или книге Притч («Бог премудростию основа землю, уготова же небеса разумом: в чувстве его бездны разверзобшася», Притч 3:19–20). В подтверждение сказанного достаточно привести следующие строки:

Господь творения начало
Премудростию положил;
При мне впервые воссияло
На тверди множество светил;
И в недрах неизмерной бездны
Назначил словом беги звездны⁴.

¹ Ломоносов М.В. Вечернее размышление о божием величестве при случае великого северного сияния (1743) [17, с. 120–121].

² Ср. вариант в «Риторическом руководстве» (1747) Ломоносова: «Везде <теж свойства> таж сила естества».

³ Ср. Ломоносов М.В. Преложение псалма 103 (1749) [17, с. 229]: «Ты бездною ее облек»; Преложение псалма 70 (1751) [17, с. 385]: «И от глубоких бездн возвел»; Ода, выбранная из Иова, глава 38, 39, 40 и 41 (1751) / [17, с. 388]: «Кто море удержал брегами / И бездне положил предел».

⁴ Ломоносов М.В. Ода... императрице Екатерине... (1763) [17, с. 795].

Перед нами примечательный синтез библейского и астрономического (который позже будет воссоздавать, например, Вяч. Иванов).

Звездное небо именуется «бездной» и Державин¹. У него же встречается необычное именование «бездной» голубой шири дневного неба². «Бездной» в русской поэзии часто именуется морская пучина³, иногда протяженность времени или пропасть прошедшего⁴.

Образ «бездны» становится особенно значимым в поэтике Тютчева. В целом, «бездна» служит у него синонимом «глубины», «пространственного протяжения». Поэт использует соответствующую лексику в самых различных значениях. У него присутствует и традиционное представление о «бездне» как о «пропасти» (понимаемой пространственно или аксиологически)⁵. Трижды говорится о бездне вод⁶. «Бездна» может выступать как синоним «бездонности» и «неизмеримости», поэтому сказано о воздушной бездне ясного неба, противопоставленной тесному колодцу темной могилы, в который опускают гроб⁷. Речь может идти о всепоглощающей бездне природы⁸. «Бездна» – это и синоним «велико-

¹ Державин Г.Р. Бог (1780/84): «Так звезды в *безднях* под тобой»; Водопад (1791/94): «Где бездна разноцветных звезд»; Об удовольствии (1798): «Медведица нисходит в бездны»; Гром (1806): «Твои следы суть бездны звезд». Ср. Апухтин А.Н. Цветок (1854): «[Луна] над бездной вод средь звезд плывет»; Случевский К.К. Как мирно мы сидим, как тихо... (1899): «Что бездны звезд! Ведь бездн таких / Так много, как и глаз людских!»

² Державин Г.Р. Облако (1806): «По бездне голубой носяся».

³ Ср. Ломоносов М.В. Петр Великий (1761) [17, с. 700]: «Сливаясь в сонм един со безднами морскими», [17, с. 704]: «От хлябей сих и бездн владетель вод возник»; Державин. На выздоровление мецената (1781): «Из бездн восстали пенны горы»; Апухтин. Божий мир (1856): «в море, в этой бездне чудной»; Он же. Я ее победил, роковую любовь... (1870–е): «в загадочной бездне морей».

⁴ Апухтин А.Н. С курьерским поездом (1870–е): «<...> Что бремя прожитых бесмысленно годов / Меж ними бездною лежало роковою»; Год в монастыре (1883): «И в бездну падает тяжелый, грустный год».

⁵ Тютчев Ф.И. Урания [23, т. 1, с. 23]: «И ты, Везувий сам! ты, *бездна* раскаленна»; К Н. [23, т. 1, с. 46]: «В ночи греха, на дне ужасной *бездны*»; Заветный кубок (Из Гёте) [23, т. 1, с. 99]: «Над *бездной* наклонился».

⁶ Тютчев Ф.И. Из «Фауста» Гёте [23, т. 1, с. 101]: «И *бездну вод* с ее скалами / Земли уносит быстрый бег!» (в первоначальном варианте: «И хлябь морей с ее скалами»); Смотри, как на речном просторе... [23, т. 2, с. 34]: «Сольются с [водной] *бездной* роковой!..»; Ты волна моя морская [23, т. 2, с. 54]: «В одичалой *бездне вод*...»

⁷ Тютчев Ф.И. И гроб опущен уж в могилу... [23, т. 1, с. 138]: «А небо так нетленно чисто, / Так беспредельно над землей <...> / И птицы реют голосисто / В *воздушной бездне голубой*».

⁸ Тютчев Ф.И. От жизни той, что бушевала здесь... [23, т. 2, с. 234]: «Природа знать не знает о былом, / Ей чужды наши призрачные годы, / И перед ней мы смутно сознаем / Себя самих – лишь грезою природы. / Поочередно всех своих детей, / Свершающих свой подвиг бесполезный, / Она равно приветствует своей / Всепоглощающей и миротворной *бездной*».

го множества»¹; и мучительно-бесконечный отрезок психологического времени².

В стихотворениях «День и ночь» (<1839>) и «Святая ночь на небо-склон взошла» (1850) бездна, как у Ломоносова, занавешена светом дня, как покровом. «Покровом» Тютчев, как правило, именуется завеса, поставленную между мирами: земным и духовным, между прошлым и будущим, между человеком и природой, которая «любит прятаться»³. В «Дне и ночи»⁴ день укрывает, как тканью, «роковой мир»; он наброшен поверх «безымянной бездны»:

На мир таинственный духов,
Над этой бездной безымянной,
Покров наброшен златотканый
Высокой волею богов <...>

Но меркнет день – настала ночь;
Пришла, и с мира рокового
Ткань благодатную покрыва
Сорвав, отбрасывает прочь <...>
И *бездна нам обнажена* <...>
Вот отчего нам ночь страшна!

Применительно к концепции «двух бездн», подразумевающей зеркаление и уравнивание отражаемого и отраженного, интересно, что уже в «Дне и ночи» мы не можем отличить верха от низа. Помимо того, что бездна двоятся онтологически (она может быть звездным протяжением над головой, но также и пространством духовным, областью обитания духов тьмы), описание не позволяет однозначно установить, над чем именно наброшен покров – над земным шаром (рассматриваемым сверху вниз) или над звездным небом (созерцаемым снизу вверх). Ко второй интерпретации подталкивает (помимо Ломоносова) наверняка известная Тютчеву многовековая предшествующая

¹ Тютчев Ф.И. Пожары [23, т. 2, с. 189]: «Дым за дымом, *бездна* дыма / Тяготеет над землей».

² Тютчев Ф.И. Comme en aimant le coeur de vient pusillanime... [23, т. 1, с. 217]: «Je dis au temps qui fuit: arrête, arrête-toi, / Car le moment qui vient pourrait comme un *abîme* / S'ouvrir entre elle et moi» («Я времени шепчу: остановись, стой, / Ведь предстоящий миг, подобно *бездне*, может / Зиять меж ней и мной», пер. С.М. Соловьева); Увы, что нашего незнанья... [23, т. 2, с. 65]: «Чрез *бездну* двух или трех дней?»

³ Тютчев Ф.И. Послание Горация к Меценату (1819) [23, т. 1, с. 18]: «Но строгий властелин земли, небес и ада / Глубокой, вечной тьмой грядущее одел <...> / Дерзнет ли разорвать таинственный покров? / Быстрейший самый ум»; На Новый 1855 год [23, т. 2, с. 67]: «Стоим мы слепо пред Судьбою, / Не нам сорвать с нее покров <...> / Я не свое тебе открою, / Но бред пророческий духов».

⁴ Тютчев Ф.И. День и ночь [23, т. 1, с. 185].

традиция¹, уподоблявшая светлое небо покрову, завешивающему ночное звездное небо. Позднее именно такая перспектива будет воссоздана в стихотворении «Ночь» Д.С. Мережковского, почти дословно следующим «Дню и ночи» Тютчева.

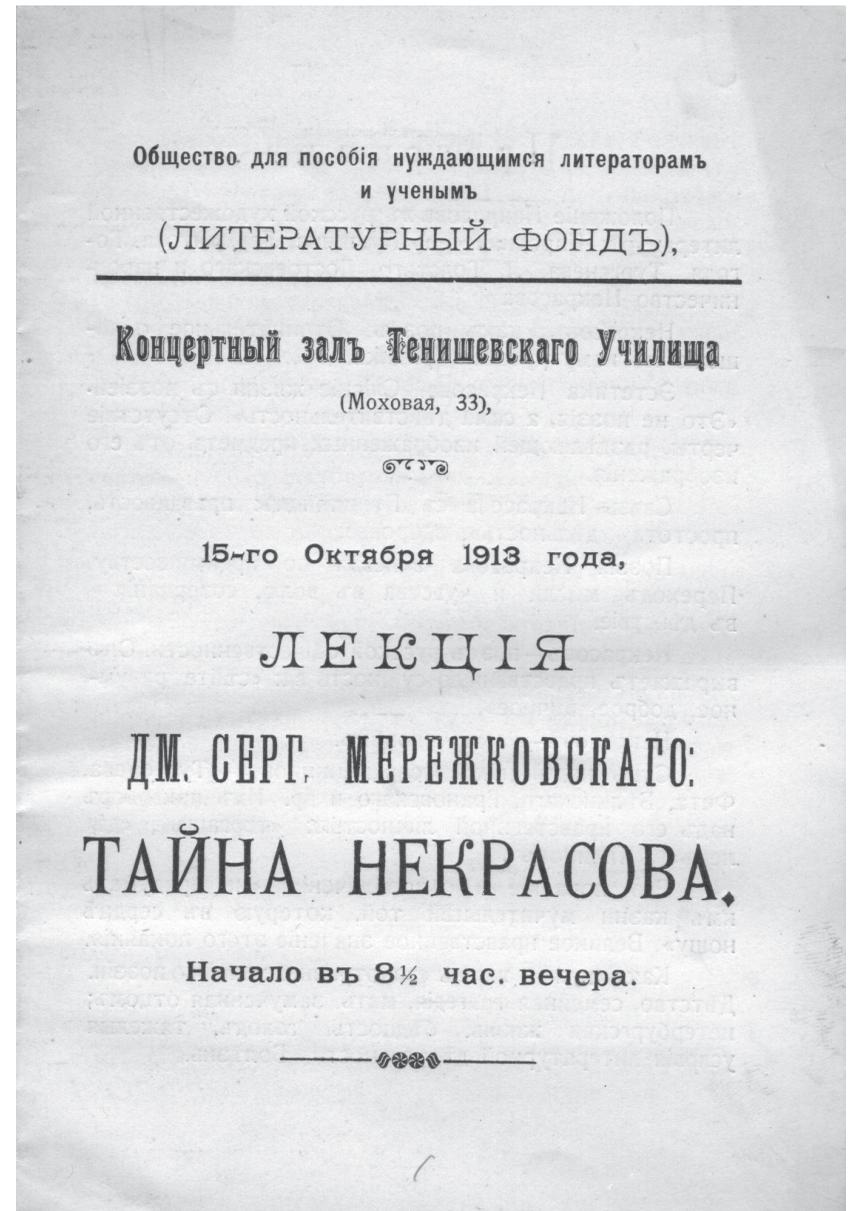
Ориентация покровы принципиально амбивалентна. Буквальное прочтение приводит к переворачиванию верха и низа: «*на* мир таинственный духов, *над этой* бездной безымянной, покров наброшен златотканый». Т. е. «бездна» находится внизу, покров расположен «над» ней, он лежит и «на» мире духов. Такой взгляд на земной мир и мир духов как нечто, расположенное внизу, только отчасти можно объяснить следствием «воли богов»: взглядом с небесного Олимпа вниз, на земной мир. В этом случае покров закрывал бы «бездну» от взора богов, зрящих мир сверху вниз, а не от взора людей, смотрящих снизу вверх. Как бы то ни было, раскрывающаяся ночью бездонность и ширь звездного неба воспринимается как обнажение бездны духовного мира, полной страхов и мглы.

В более позднем стихотворении Тютчева «Святая ночь на небосклон взошла» мотив экзистенциальной тревоги выступает еще сильнее. Стихотворение начинается с восходящего к книге «Откровение» образа свивания золотого покровы неба (ср. Откр. 6:14). Однако убирание золотой занавеси приводит не столько к обнажению черных небесных пространств, сколько к растворению внешнего, чувственно данного мира, столь надежного и осязаемого при свете дня. Тогда человек остается наедине с собой, перед темной пропастью, которую представляет собой бездна его души:

Святая ночь на небосклон взошла,
И день отрадней, день любезней,
Как золотой покров она свила,
Покров, накинутый над *бездной*.
И, как виденье, внешний мир ушел <...>
И человек, как сирота бездомный,
Стоит теперь, и немощен и гол,
Лицом к лицу пред *пропастью* темной <...>
.....
В душе своей, как в *бездне*, погружен,
И нет извне опоры, ни предела².

¹ Ср. схожий образ у Эриугены, в поэме которого о Христе в его божественности говорится, что тот «завешивает звездное небо пеплосом/покровом пресветлого света», «Lucis praeclarae qui vestit sidera peplo» (*Iohannes Scottus. Aulae sidereaе, v. 63 [26, с. 267–306]*). Схожее рассуждение неоплатоника Прокла о нематериальных покрывающих Афины, закрывающих высшие уровни мироздания от низших см. *Proclus. In Timaeum I, 134, 22 – 135, 13*. В целом, представление о том, что божественное скрыто от взора смертных защитными покрывами, является общим местом в как в античной, так и в раннехристианской религиозной традиции. В космологическом аспекте покровом, завешивающим бездонность ночной бездны, представлялось дневное небо, ср. Откр. 6:14: «небо скрылось, свившись как свиток» (*liber involutus, βιβλίον ἐπισσόμενον*), а также [31, pp. 75–79].

² *Тютчев Ф.И.* Святая ночь на небосклон взошла... [23, т. 1, с. 215].

Приглашение на лекцию Д.С. Мережковского «Тайна Некрасова» 15 октября 1913 г. (ОР РНБ. Ф. 481. № 267).

Когда спасительные занавеси раздвигаются, человек понимает, что внешний мир был лишь видимостью. Перед ним обнажается вселенная во всей ужасающей грандиозности и неизмеримости своих пустых пространств. Это внушает созерцателю ощущение своей ничтожности, бездомности, заброшенности в мир. В этот момент перед ним разверзается бездна его души.

Традиционно считается, что концепция «двойной бездны» была заявлена Ф.И. Тютчевым в стихотворении «Лебедь» (между концом 1838 и серединой 1839). Однако, задолго до этого тот же мотив проявился у него в 1828–29 гг. – в вольном переводе из только что опубликованных «Надгробных венков» Иосифа Христиана фон Цедлица (1790–1862), посвященных великим умершим: Петрарке, Шекспиру, Тассо, Байрону и пр. [24, с. 296 (о Цедлице)]. В строках, повествующих о Байроне, сказано, что тот не похож на исполненного песен лебедя, который парит над лугами и зелеными, смеющимися полями, но пронесся сквозь дуновения воздушных подобно одинокому орлу среди ужаса безлюдной пустыни:

Nicht ein sangreicher Schwan, der über Auen
Hinschwebt, und grüne, lachende Gefilde,
Sehn wir durch heitre Lüfte Dich getragen;
Gleich dem einsamen Aar bist Du zu schauen
In öder Wüste Grauen [38, s. 81].

Соответствующие строки у Тютчева существенно отличаются от того, что мы видим у Цедлица:

Не лебедем ты создан был Судьбою,
Купающим в волне румяной крыла,
Когда закат пылает над потоком
И он плывет, любуясь сам собою,
Между двойной зарею <...>¹

Тютчев произвольно вводит в текст Цедлица описание вечернего пылающего заката, отражающегося в потоке воды, так что лебедь, которому противопоставляется орел-Байрон, оказывается окружен, как пылающей бездной, «двойною зарею», что предвосхищает образы собственной позднейшей лирики Тютчева. Формула «двойная бездна» вновь появляется у Тютчева в стихотворении «Лебедь» (между концом 1838 и серединой 1839):

Она, между двойною бездной,
Лелеет твой всезрящий сон –
И полной славой тверди звездной
Ты отовсюду окружен.

¹ Тютчев. Байрон (между 1828 и 1830) [23, т. 1, с. 76–81].

Здесь лебедь на водной глади, в которой отражаются звезды, представлен как находящийся между двумя безднами¹. Позднее, в стихотворении «О вещая душа моя!» (1855) Тютчев пишет о душе, балансирующей на пороге двойного бытия – земного и духовного; днем она находится в плену страстей, а ночью пребывает в пророческих снах, открываемых ей духами:

О вещая душа моя!
О, сердце, полное тревоги,
О, как ты бьешься на пороге
Как бы двойного бытия!..

Так, ты – жилища двух миров,
Твой день – болезненный и страстный.
Твой сон – пророчески-неясный,
Как откровение духов...

Хотя «бездны» здесь не упоминаются, речь опять идет о существовании на границе миров. В обоих стихотворениях сон характеризуется как «вещий»: у лебедя он «всезрящий», у вещей души «пророческий». Таким образом, лебедь становится символом человеческой души.

Д.С. Мережковский подхватывает и развивает тютчевский образ двух бездн, делая это как в прозе, так и поэзии. Так, образ лебедя, плывущий меж двух бездн – звездного неба и его отражения в глади ночной воды, – воспроизводится в романе «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»². Характерно, что Мережковский сопровождает их описание формулой «небо вверху и небо внизу». (Позднее, уже под влиянием Мережковского, о существовании на границе неба и водной глади будет писать Андрей Белый в «Возврате»³.) Вариацией на «День и ночь» Тютчева является стихотворение Мережковского «Ночь» (1892):

И обнажились *бездны ночи*,
Покров лучей дневных исчез,
Как золотая ткань отдернутых завес...
Да узрят Бога все, имеющие очи⁴.

¹ Вариацию на тютчевского «Лебедя» (с эпиграфом из последнего) в 1897 г. пишет В.Я. Брюсов, противопоставивший бездне неба бездну глаз любимой женщины: «Бездна взора, бездна неба! / Я, как лебедь на волнах, / Меж двойною бездной рею, / отражен в своих мечтах» [6, с. 141–142]. Ср. схожий мотив у К.К. Случевского (выше, с. 244, прим. 1).

² Мережковский Д.С. Христос и Антихрист. Часть II: Воскресшие боги (Леонардо да Винчи). Гл. 9: Двойники [19, т. 2, с. 352–353 и 355].

³ См. Белый А. Симфонии / Сост., послесл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Дмитрий Сечин, 2014. С. 192.

⁴ Мережковский Д.С. Ночь (1892) [Труд. 1892. № 12]. В журнальной публикации стихотворение имеет еще одно четверостишие, в котором Мережковский заявляет,

В 1895–1899 гг. Мережковский пишет программное стихотворение «Двойная бездна»:

И смерть и жизнь – родные бездны:
Они подобны и равны,
Друг другу чужды и любезны,
Одна в другой отражены.

Одна другую углубляет,
Как *зеркало*, а человек
Их съединяет, разделяет
Своею волею навек...

.....

Ты сам – свой Бог, ты сам свой ближний,
О, будь же собственным Творцом,
Будь *бездной верхней, бездной нижней*,
Своим началом и концом¹.

Здесь зеркальными безднами являются уже не физические небо и земля, но смерть и жизнь (позднее этот мотив будет воспроизведен Вяч. Ивановым в «Дриадах»). Формулируется призыв быть обоими полюсами, и самому стать богом. Концепция человекобожия и явного дуализма, противопоставленного христианской монархии ярко заявлена в стихотворении и позже получит отклик у авторов символистского круга. Ко времени написания «Двойной бездны» среди источников Мережковского мог находиться уже не только «Лебедь» Тютчева, но также ряд зависящих от него текстов: размышления о двух безднах русской души из романа «Братья Карамазовы» Достоевского (1880)²; сон о бездне вверху и бездне внизу из «Исповеди» Л.Н. Толстого (1884)³,

что рад явленности дня, но обращается и к ночи, будучи рад «страшному таинственному чуду: / твоим бесчисленным мирам!». В автографе сохранились завершающая часть текста, не попавшая в печать. В ней многозвездная ночь отождествляется с умершей матерью поэта, призывающей его к себе, в загробный мир. Она обещает ему любовь и утешение, которые были у него в детстве, убеждает не бояться темной могилы: «Ведь смерть, мой милый, это – я!» И поэт переходит туда, где ласково блестят звезды, а ветерок поет колыбельную: «И в лоне вечности, как в тихой колыбели, / С улыбкой тихо, тихо сплю».

¹ Мережковский Д.С. Двойная бездна [19, т. 22, с. 190]. Комментарий К.А. Кумпан к этому стихотворению, содержащий историю образа «двух бездн» см. в 20, с. 871–873.

² Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы. Кн. 12. Гл. 6 [11, с. 129]: «...Мы природы широкие <...> способные <...> разом созерцать обе бездны, *бездну над нами*, бездну высших идеалов, и *бездну под нами*, бездну самого низшего и зловонного падения».

³ Впервые опубликована в 1884 году в Женеве. Первое полное русское издание вышло в 1906 году.

и статья А.Л. Волынского о Толстом, в которой его сон цитировался и критиковался (1890)⁴.

Сам Мережковский использует образ двух бездн в книге «Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия» (1900–1902 гг.)⁵. Тема бездны, и более узко – мотив «двух бездн» в ней звучит многократно. В контексте оппозиции «двух бездн» Мережковский противопоставляет Микеланджело и Леонардо да Винчи как бездну плоти и бездну духа³; такую же оппозицию образуют фигуры Л. Толстого и Ф.М. Достоевского⁴. Что характерно, это противопоставление сохраняет леонардовский контекст: и Толстой, и Достоевский – один из которых стремится к одухотворению плоти, а другой – к воплощению духа, – названы двумя демонами русского *Возрождения*, неразрывно соединенными друг с другом⁵. В другом месте те же характеристики прямо иллюстрируются образом зеркалящихся бездн: «Тайновидение духа у одного [Достоевского] *отражается и углубляется* тайновидением плоти у другого [Толстого], как *бездна неба бездною вод*»⁶. А еще далее сказано, что «кроткий

¹ Волынский А.Л. Нравственная философия гр. Льва Толстого [7, с. 26–45].

² Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский. Жизнь, творчество и религия // Мир Искусства, 1900–1902. В Полном собрании сочинений (1914) исследование вошло в тома 9–12; цитаты приводятся по изданию [18], на которое мы ссылаемся при цитировании.

³ «Как в бездну плоти – Микеланджело, так заглянул Леонардо в противоположную и равную бездну духа. Он как будто вышел из того, к чему только шел Микеланджело» [18, с. 185].

⁴ «Так же, как Л. Толстой в *бездну плоти*, заглянул Достоевский в *бездну духа* и показал, что *верхняя бездна равняется нижней*, что одну ступень человеческого сознания от другой... отделяет иногда точно такая же “пучина” <...> Он боролся с не меньшим, чем ужас плоти, ужасом духа – слишком яркого и острого *сознания* («слишком сознавать – это болезнь»), с ужасом всего отвлеченного, прозрачного, фантастического и, в то же время, беспощадно-реального, действительного» [18, с. 187]. *Бездны и сознание* связывает также А. Белый, см. его: О границах психологии (1904) [4, с. 56]: «Челн личного сознания, озаренный всеобщим сознанием, плавно проносится между двумя небесами. Эти небеса – верхнее и нижнее – познавательные нормы, сверху и снизу объемлющие свое содержание <...> Челн сознания <...> теперь – только птица – лебедь, распластанный в небе. Белый лебедь личного сознания, омывтый эфиром вселенной, нежно млеет и тает в голубом – в голубом небе вселенского сознания». О зависимости этого отрывка от стихотворения Вяч. Иванова см. [27, с. 319].

⁵ «Таковы они в своем вечном противоречии и вечном единстве, – эти два демона русского Возрождения – тайновидец плоти, Л. Толстой, тайновидец духа, Достоевский; один – стремящийся к одухотворению плоти; другой – к воплощению духа. И именно в том, что их двое, что они – вместе (хотя они сами еще не созная, что они вместе и что не могут быть один без другого), заключается наша последняя и величайшая надежда» [18, с. 187].

⁶ «Язычество Л. Толстого – прямой и единственный путь к христианству Достоевского. Тайновидение духа у одного отражается и углубляется тайновидением плоти у другого, как *бездна неба бездною вод*. Они перекликаются, разными голосами говорят об одном и том же» [18, с. 211].

демонизм» Л. Толстого совершенно противоположен и все-таки подобен мятежному демонизму Достоевского. Тут <...> они – близнецы <...> Достоевский *отражается*, обратно повторяется Толстым, как *бездна неба бездною вод*¹.

В финале книги Мережковский сопоставляет Толстого и Леонардо в их желании летать. Он упоминает о детской попытке Толстого прыгнуть из окна классной комнаты, чтобы полететь, полагая, что в этом проявляется «притяжение бездны, соблазн крыльев, искушение чудом полета, – может быть, смутная мечта о *«физической перемене»* людей и законов природы»². Здесь Мережковский опять вспоминает Ренессанс, говоря, что в период итальянского Возрождения та же искусительная мечта о полете появилась у Леонардо да Винчи, дневники которого «полны вычислениями и чертежами летательной машины». «Всю жизнь этого предтечу Галилея и Бэкона и точнейший из математических умов, – замечает Мережковский, – преследует “неимоверное видение” “Лебеда”, «великой Птицы», «grande uccello», крылатого “сверхчеловека”. Примечательно, что тютчевский лебедь ассоциируется у Мережковского с Леонардо и здесь, и в романе «Леонардо да Винчи»³.

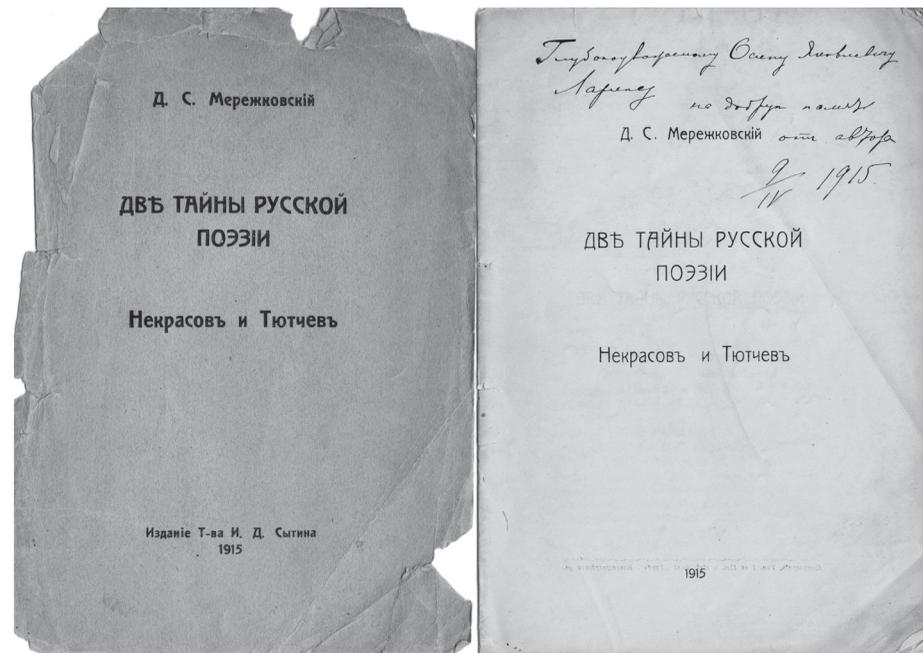
А еще более замечательно то, – продолжает Мережковский, – что с противоположной стороны, в глубинах Востока, в аскетическом христианстве возникает подобное же видение: из византийской иконописи переходит в древнерусскую и здесь достигает огромных, апокалипсических размеров, образ крылатого человека, Иоанна Предтечи Крылатого⁴. И здесь Мережковский цитирует сон Толстого о двух безднах из эпилога-добавления к «Исповеди»:

¹ «Именно тут, в глубине пола, зверское соприкасается с человеческим, дьявольское с божеским <...> В этом по преимуществу нашем новом вопросе, от которого зависит все будущее христианства <...> «кроткий демонизм» Л. Толстого совершенно противоположен и все-таки подобен мятежному демонизму Достоевского. Тут... они – близнецы <...>: Достоевский отражается, обратно повторяется Толстым, как *бездна неба бездною вод*» [18, с. 449].

² «В этом сне наяву о крыльях <...> смутная мечта о той самой “*физической перемене*” людей и законов природы..., о которой пророчествует апостол: “не все мы умрем, но все мы изменимся скоро, во мгновение ока”, – самое страшное и таинственное искушение Господа Дьяволом: “Поставил Его на крыле храма и сказал Ему: если Ты Сын Божий, бросься отсюда вниз”» [18, с. 465].

³ «Во время Итальянского Возрождения, <...> у Леонардо да Винчи является эта же искусительная мечта о полете, о крыльях человеческих: дневники Леонардо полны вычислениями и чертежами летательной машины; при тогдашнем состоянии механики это была самая невозможная, дерзкая и даже как бы детская мысль, что-то вроде желания Левушки летать “на корточках”; и, однако, всю жизнь этого предтечу Галилея и Бэкона, точнейший из математических умов, преследует “неимоверное видение” “Лебеда”, “великой Птицы”, “grande uccello”, крылатого “сверхчеловека”» [Там же].

⁴ Ср. икону «Иоанн Предтеча Ангел пустыни в житии» из Успенского собора в Ярославле, XVII в. (теперь – в Государственной Третьяковской галерее).

Брошюра «Две тайны русской поэзии. Некрасов и Тютчев» с дарственной надписью: «Глубокоуважаемому Осипу Яковлевичу Ларину на добрую память от автора. 9/IV.1915». Фотокопия из семейного архива И.Я. Рабиновича (О.Я. Ларина) любезно предоставлена наследницей Г.Р. Добровой.

«Я на днях увидел сон <...> Вижу я, что лежу на постели, на плетеных веревочных помочах, прикрепленных к бочинам кровати <...> Я гляжу вниз и не верю своим глазам: <...> я на такой высоте, какую я не мог никогда вообразить себе. Я не могу даже разобрать, вижу ли я что-нибудь там, внизу, в той *бездонной пропасти*, над которой я вишу и куда меня тянет <...> Смотреть туда ужасно <...> Я медленно скольжу по спине ниже и ниже. Еще мгновение – и я оторвусь <...> Взглядываю вверх. *Вверху тоже бездна*. Я смотрю в эту *бездну неба* и стараюсь забыть о *бездне внизу* и действительно я забываю. *Бесконечность внизу отталкивает меня и ужасает; бесконечность вверху притягивает и утверждает меня*. Я <...> смотрю только вверх – и страх мой пропадает <...> И вижу, что я уже не вишу и не падаю, а держусь крепко <...> В головах у меня стоит столб <...> от столба проведена петля <...> Если лежишь на этой петле серединой тела и смотришь вверх, то даже и вопроса не может быть о падении» [22, с. 57–59].

Сон является вариацией на эпизод из «Исповеди», в котором рассказывается притча о путнике, повисшем на ветвях дикого куста, выросшего

в расщелинах стены колодца. Сверху бродит разъяренный зверь, на дне поджидает дракон. В то время как ствол куста-жизни подтачивают две мыши (символизирующие день и ночь), висящий путник наслаждается ускользящими мгновениями – слизывает с листов куста капли меда.

Впервые сон Толстого обсуждался идеологом русского модернизма А.Л. Волынским – сначала другом, а затем врагом Мережковского – в статье «Нравственная философия гр. Льва Толстого»: «Через три года по написании “Исповеди” (в 1882 г.) Толстой сделал к ней приписку, превосходное *аллегорическое истолкование* в виде сна» [7, с. 26–45]. Волынский пространно цитирует описание сна, данное Толстым. Он же приходит к выводу о недостаточности решения, предложенного Толстым:

«Мы не скажем, что в этой превосходной аллегории вопрос о жизни и смерти разрешен окончательно. Толстой говорит: <...> глядя в бездну неба, я *забываю* о бездне внизу <...> Но что же из этого следует? <...> Чтобы не разбиться вдребезги сейчас, мне необходимо лежать, не шевелясь, с устремленными в бесконечную высь глазами, но имеет ли такое лежание *само по себе* какой-нибудь смысл? <...> Это самообман страуса, который прячет голову, когда в него направляют смертоносное дуло ружья».

Как ранее Волынский, Мережковский не удовлетворен решением Толстого смотреть только вверх. Но делает он это по другим мотивам. Он встраивает пассаж о двух безднах в контекст рассуждений о выхолащивании традиционного христианства и в контекст ницшеанских идей о стоящем по ту сторону добра и зла сверхчеловеке – Христе [18, с. 467]. Мережковский проповедует принципиальный дуализм и считая, что нижняя бездна «*совершенно равна* верхней...», «она – такая же “бесконечность”». Он критикует решение Толстого глядеть только вверх, «видеть только верхнюю, исключительно *будто бы* христианскую бездну духа, закрывая глаза на нижнюю, исключительно *будто бы* языческую бездну плоти». Весь балансирующий механизм, состоящий из столба и петли, прикрепленной к столбу, по его мнению, «до ужаса напоминают виселицу: вместо крылатого, летящего над бездною, оказался только повешенный». Страхочувствительный механизм Толстого есть *бессознательное христианство*, которое не может его спасти, но, напротив, губит. Мережковский замечает, что ребенком Толстой был храбрее, чем взрослым во сне: он прыгал из окна, пытаясь лететь. Если бы и теперь он прыгнул и упал, тогда, может быть, совершилось бы чудо полета, о котором с детства бессознательно мечтал Толстой. Он почувствовал бы, что за плечами его выросли два крыла, которые несут его «*между двойною бездною*», и что ему уже нечего бояться, потому что:

Небо –верху, небо –внизу:
Звездыверху, звездывнизу,
Все, чтоверху, – все и внизу.

В этом случае, продолжает Мережковский, ужас падения сделался бы восторгом полета: Толстой окончательно проснулся бы, прозрел и увидел, что «бесконечность верхняя и нижняя – не два, а одно, дух и плоть – одно...» [18, с. 467–468].

Сущностное изменение в сравнении с традиционной платоновской или христианской картиной мира, осуществляемое Мережковским, состоит в онтологическом и ценностном уравнивании двух бездн: нижняя «совершенно равна верхней», она – такая же “бесконечность”. В этом фрагменте Мережковский прямо отсылает к «Лебедю» Тютчева (полет «между двойною бездною»), цитирует алхимическую «Изумрудную скрижаль» с ее принципом «что вверху, то и внизу»¹, и предлагает выйти за рамки оппозиции «верх–низ». Нужно, добавляет он, чтобы открылась не истина человека, но истина Христа,

«которая – *сверх добра и зла*, которая есть последнее *соединение двух бесконечностей*. И вместо “повешенного”... явился бы... “полной славой тверди звездной отовсюду окруженный” “Лебедь” – русская “великая Птица”, летящая к будущему, – русский Крылатый Предтеча Второго Пришествия» [18, с. 468].

Истина, лежащая по ту сторону добра и зла, свидетельствует о влиянии Ницше. И здесь Мережковский переходит от Толстого к Достоевскому. Испытание чудом полета, считает Мережковский, это главное испытание Христа и всего христианства:

«Достоевский видит наяву те самые две бесконечности, которые Л. Толстой видит во сне. Но Достоевский <...> испытывал бесстрашным взором обе бездны и понимал, что они равны в своей противоположности: “*Все, что вверху, – все и внизу*”; бездна нижняя притягивала его не менее, чем верхняя, может быть, даже более <...> Висит он “между двумя бесконечностями”; но не цепляется <...>, как Л. Толстой, за полусгнившую веревку <...>, а рвется на свободу, прикованный <...> железною цепью к “неподвижному столбу”, к несокрушимой скале церкви <...> Бездна верхняя, бездна духа – человеческая свобода <...> Противоположная верхней бездне духа и свободы – бездна плоти и необходимости <...> откуда выходит и куда возвращается все» [18, с. 468–470].

В 1890-х гг. в поэтику Мережковского входит образ Леонардо да Винчи. В 1895 г. создается одноименное стихотворение, в котором образ Леонардо отличается змеиной мудростью и способностью проникать в двоящееся, оставаясь при этом единым. Согласно Мережковскому лик Моны Лизы сочетает в себе строгость Мадонны и улыбку языческого Сфинкса. Сам же да Винчи остается бесстрашным, презревшим богов богоподобным человеком [19, т. 22, с. 140]. В 1896 году Мережковский вме-

¹ Эта концепция восходит к принципам неоплатонической теургии, см. [29, с. 305–307].

сте с Гишпиус (и в кампании А. Волынского) выезжает в Европу – по местам, связанным с Леонардо да Винчи, и начинает работать над романом «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)», опубликованным в 1900 г.¹

В работе «Л. Толстой и Достоевский» Мережковский приводит из записных книжек Леонардо мысль о том, что вещи, которые кажутся сверхъестественными в нашем мире, – естественны в другом месте:

«Мир полон *бесчисленными*, никогда не осуществлявшимися *возможностями*», – утверждал Леонардо да Винчи, предтеча современной науки <...> То состояние, в котором является он теперь нашему конечному разуму и нашему чувственному опыту во времени и в пространстве, есть *одно из бесчисленных возможных состояний мира* <...> В теперешнем состоянии мира действие законов природы необходимо и неизменно; по этим законам *частицы материи*, составлявшие тело старца Зосимы <...> должны распасться и уже никогда, нигде, во времени и в пространстве <...> не повторят того *сочетания*, которое было некогда телом старца Зосимы. Но <...> не окажется ли *возможным* подобное сочетание в иных условиях мира <...> в одном из дальнейших, бесчисленных, *возможных* состояний этого *бесконечного* мира, именно в том, к которому и стремится <...> все движение, развитие, “эволюция”, которое откроется одному из дальнейших, бесчисленных *возможных состояний* нашего разума и нашей чувственности?” [18, с. 472]².

Рассуждение, приписываемое Мережковским Леонардо да Винчи, у последнего отсутствует, хотя в «Записных книжках» имеется краткая запись, из которой оно могло быть развито кем-то из более поздних авторов, среди которых можно назвать Лейбница, Ницше³ и даже историка науки Пьера Дюгема⁴. Помимо отсылки к «Братьям Карамазовым», указанный отрывок также образует интересную параллель к имеющему лейбницианские коннотации стихотворению Вяч. Иванова «Миры возможного» (1890) [15, т. 1, с. 668–679].

Встречающееся в работе «Л. Толстой и Достоевский» Мережковского соединение идей «Изумрудной скрижали», тютчевского «Лебедя» и образа Леонардо да Винчи не является единичным. Тот же набор идей и аллюзий мы встречаем в романе «Воскресшие боги (Леонардо да Винчи)»⁵.

¹ Роман был завершен в 1899 г. и тогда же его первые главы были напечатаны в журнале «Начало». В 1900 г. роман опубликован целиком в журнале «Мир божий», а в 1901 г. вышел отдельным изданием. Текст цитируется по изданию: [19, т. 2–3].

² Ср.: “Nature is full of infinite causes that have never occurred in experience” (MS Library of the Institute de France, MS I, 18r) [37, р. 69]; «Природа полна бесчисленных оснований, которые никогда не были в опыте» [9, с. 51], пер. В.П. Зубова.

³ См. [30, с. 773–879].

⁴ См. раздел “Léonard de Vinci et la pluralité des mondes”: [32, р. 55–96].

⁵ Первые главы романа «Леонардо да Винчи» были напечатаны в 1899 г. в журнале «Начало». В 1900 г. роман опубликован целиком в журнале «Мир божий», а в 1901 г. вышел отдельным изданием. Текст цитируется по: [19, т. 2–3].

Так, дважды повторяется тютчевский образ лебедей, плывущих между «небом вверху и небом внизу»:

«Ночь была тихая <...> Из-за угла, во рву, по черному *зеркалу вод*, привлекаемые светом факелов, выплыли белые лебеди <...> Гладь воды, отразившая *небо под ними*, была почти невидимой, и, качаясь, скользили они, как видения, со всех сторон *окруженные звездами*, полные тайны, *между двумя небесами – небом вверху и небом внизу* – одинаково чуждые и близкие обоим» [19, т. 2, с. 352–353].

«Леонардо был подобен <...> белым лебедям в черной воде <...> Плавно качаясь, дремали, полные тайны, окруженные звездами, как видения, между двумя небесами – *небом вверху и небом внизу*, одинаково чуждые и близкие обоим, лебеди со своими *двойниками* в темном зеркале вод» [19, т. 2, с. 355].

В духе дуализма и двойничества переосмысливаются человеческая и божественная природа Христа:

«Дживованни бредил Савонаролоу, *Леонардо да Винчи* и Божией Матерью, которая, чертя пальцем на песке пустыни геометрические фигуры, учит Младенца Христа законам вечной необходимости <...>¹ Его мучило... видение – *два лика Господня, противоположные и подобные, как двойники*: один, полный человеческим страданием и немощью <...>; другой лик <...> Слова, ставшего плотью – Первого Двигателя. Они обращены были друг к другу, как в поединке два вечных противника» [19, т. 2, с. 358–359].

Перед нами уже упомянутая и характерная для мировосприятия модернизма трансформация платоновской и христианской парадигм: «удвоение» абсолютов, замена вертикальной соотнесенности творца и твари на горизонтальное вглядывание двух абсолютов друг в друга².

Применительно к формуле «что вверху, то и внизу», Мережковский указывает в романе «Леонардо» ее источник: «*Tabula smaragdina*», «Изумрудная скрижаль» Гермеса Трисмегиста, «найденная, будто бы, в пещере близ города Мемфиса в руках мумии одного жреца». Здесь же в романе надпись приведена в греческом написании (набрана минускулом, без диакритики) и сопровождается переводом:

«Небо – вверху, небо – внизу,
Звезды – вверху, звезды – внизу,
Все, что вверху, все и внизу
Если поймешь, благо тебе» [19, т. 3, с. 257–258].

¹ Ср.: «И склоняся Христос пишет на Земле [ср. Ин 8:8]. По-гречески сказано показательно *ἔγραφε εἰς τὴν γῆν* – вписал в Землю. Он вписал в Землю свой новый завет ей, начертал на ней знак своего обета, начертал знак свой на своей Невесте» [12, с. 78–79]. Комментарий Г.В. Обатнина к этому месту см.: [13, с. 154].

² Ср. *Белый А.* Рассказ № 2 (Из записок чиновника) [3, с. 250–251]. Рассказ навеян впечатлениями 1901 г.

Тема двух бездн, ярко представленная у Тютчева и Мережковского, не менее сильно звучит у Вяч. Иванова. Мотив удвоения и зеркаления противоположностей является одной из важных особенностей его картины мира¹. В частности, не один раз встречается образ звездной и водной стихий, отражающихся друг в друге². Бездны не просто отражаются друг в друге, но взаимодействуют. Так это, например, в стихотворении «Дух», которое продолжает идущую от Ломоносова традицию и не скрывает родства со строкой псалма «Бездна бездну призывает» (Пс 41:8)³:

Над бездной ночи Дух, горя,
Миры водил Любви кормилом;
Мой дух, ширясь и паря,
Летел во сретенье светилам.
И бездне – бездной отвечал [16, кн. 1, с. 68].

Мы видим, как естественно к уже очерченному выше набору контекстов, сопровождающих мотив «двух бездн», Иванов подключает «Божественную комедию» Данте⁴.

Примечательно, что принцип зеркаления не сводится только к безднам. В «Дриадах» отражаются и перетекают друг в друга «вечности»: жизнь и смерть⁵; в «Сне Мелампа» зеркалятся земля и небо, мужское

¹ См., например: [25, с. 59–65].

² См. *Иванов Вяч.* Миры возможного (1890) [15, т. 1, с. 670]: «Я различал в зеркале своды неба»; В челне по морю (1895) [16, кн. 1, с. 118–120; = 15, т. 1, с. 594]: «Между двух мерцаний бледных / Тихо зыблется наш челн: / Глеют севы звезд победных; / Глеет пепл вечерних волн <...> Но лишь омут звезд трепещет / В тайне тверди, в тайне волн»; По течению (1915) [16, кн. 2, с. 111; = 15, т. 3, с. 517]: «Скользит единою дорогою / Моя попутная ладья / Со всею медленно влачащейся / Громадой усыпленных вод; / А там – с Медведицей лучающей / Плывет огромный небосвод»; Пробуждение [16, кн. 1, с. 67; = 15, т. 1, с. 518]: «Висит огнезрящая / И дышит над ним / Живая бездна <...> / Глухая бездна / Ропщет под ним <...> / Потерян в безднах»; Океаниды [15, т. 1, с. 526]: «Кто внемлет вам? В красе победной / Невозмутимый небосвод / Улыбкой вызывает бледной / Ответный блеск влюбленных вод»; Жрец озера Неми. Лунная баллада (1908) [16, кн. 1, с. 269; = 15, т. 2, с. 293]: «И влачит по заводям озерным / Белый челн, плывущий в небе черном, / Тусклый плен божественных сетей». О датировке стихотворений сборника «Кормчие Звезды» О. Дешарт пишет: «В настоящее время ни разночтений, ни исчерпывающей датировки для большинства стихотворений, обнимающих период от конца восьмидесятых годов прошлого века до начала XX века, установить невозможно, см.: [15, т. 1, с. 858].

³ Ср. ее трактовку в трактате Августина «О псалмах» [33, р. 570–571].

⁴ Ср. *Данте Алигьери.* Божественная комедия. Рай XXXIII, 145: «Любовь, что движет солнца и светила» [1, с. 464].

⁵ *Иванов Вяч.* Дриады (1904) [16, кн. 1, с. 162–163; = 15, т. 1, с. 746–747]: «Се, Древо Жизни так цветет душой одной. / Восходят силы в нем в мерцающую сень / Из лоно Вечности обильной, / И силы встречные струятся в сон и тень / На лоно Вечности могильной, – / Где корни звездную распростирают сень. / Глядятся Жизнь

и женское, потоки времени и причин¹. В мелопее «Человек» две бездны, звездная и водная, уподобляются «зрящему», т. е. сознательному началу, пронизающему своими копьями спящее бессознательное:

Звезды блещут над прудами:
Что светилам до озер?
Но плетется под звездами
По воде живой узор.
Зрящих сил в незрячий омут
Досягают копия:
Так тревожат духи дрему
Бессознательного я².

Точно так же в «Сне Мелампа» молнии неба проникают в земные глубины. Видимо, под влиянием Мережковского Иванов активно использует теургическую и алхимическую формулу «что вверху, то и внизу». В стихотворении, так и названном: «Небо – вверху, небо – внизу», Иванов пишет о взаимопроникновении микро- и макрокосма. Начальные строки стихотворения, –

Разверзнет Ночь горящий Макрокосм, –
И явственны небес иерархии,

перекликаются с картиной, изображенной Тютчевым в стихотворении «Видение». Согласно Тютчеву в пору, когда «густеет ночь, как хаос на водах»,

Есть некий час, в ночи, всемирного молчанья,
И в оный час явлений и чудес
Живая колесница мирозданья
Открыто катится в святилище небес³.

Примечательно, что небесными иерархиями Иванов именует не ангельские чины (как это закрепил в христианской традиции пс. – Дионисий Ареопагит, придумавший само слово «иерархия»), но звездные порядки («И лицезрим свой сонм иерархий / От близких солнц до тусклооких пятен»). Как когда-то у Ломоносова, библейско-христианское и астрономическое у Иванова совпадают.

Как у Тютчева, для которого звездные бездны неотличимы от бездн души, Иванов провозглашает принцип полного взаимоотражения микро- и макрокосма:

и Смерть очами всех огней / В озера Вечности двуликой; / И корни – свет ветвей,
и ветви – сон корней, / И все одержит ствол великий, – / Одна душа горит душами
всех огней».

¹ *Иванов Вяч.* Сон Мелампа (1907) [15, т. 2, с. 294–299]. О поэме см.: [28, с. 23–54].

² *Иванов Вяч.* Человек. Часть IV, ѡќиѣ (1918) [15, с. 3, с. 235].

³ *Тютчев Ф.И.* Видение (1829) [23, с. 1, с. 70].

Есть Млечный Путь в душе и в небесах;
Есть множество в обеих сих вселенных:
Один глагол двух книг запечатленных. –

И вес один на двойственных весах.
Есть некий Он в огнях глубин явленных;
Есть некий Я в глубинных чудесах¹.

«Есть Млечный Путь...» Иванова – это аллюзия на «Есть некий час...» Тютчева. Возможно, тютчевскую «колесницу мироздания» Иванов отождествляет со знаком Макрокосма из начала Фауста, поскольку его собственная строка «Разверзнет Ночь горящий Макрокосм», представляющая параллель к тютчевской «колеснице мироздания», по нашему мнению, отсылает к тому месту из «Фауста» Гёте, в котором доктор Фауст созерцает в книге знак Макрокосма, открывающий ему устройство и движение мира звезд и духов². Через созерцание знака-диаграммы из некоей книги, именуемой у Гёте «творением Нострадамуса», Фауст оказывается способен читать движение звезд и слышать речь духов. Изучение диаграммы, разъясняющей устройство космоса, для Фауста равносильно озарению и преобразению:

Кто из богов придумал этот знак? <...>
Все проясняется, как на картине.
И вот мне кажется, что сам я – бог
И вижу, символ мира разбирая,
Вселенную от края и до края.
Теперь понятно, что мудрец изрек:
«Мир духов рядом, дверь не на запоре <...>
Очнись, вот этот мир, войди в него».
(*Рассматривает внимательно изображение.*)
В каком порядке и согласье
Идет в пространствах ход работ!
Все, что находится в запасе
В углах вселенной непечатых,
То тысяча существ крылатых
Поочередно подает
Друг другу в золотых ушатах
И вверх снует и вниз снует [8, с. 23].

¹ Иванов Вяч. Небо – вверху, небо – внизу (1907) [15, с. 2, с. 267].

² Возможно, «знаком Макрокосма» Гёте именуется карту с аллегорическими изображениями созвездий, наподобие той, что представлена в трактате Петра Аппиана «Astronomicum Caesareum» (1540), или же диаграмму вроде тех, что изображены в собрании легенд о докторе Фаусте, см.: [36, s. 1131–1139].

Вяч. Иванов прекрасно знал указанное место «Фауста» и даже цитирует его в своем переводе¹. Что касается Тютчева, то его поэтику «удвоения» Иванов обсуждает в работе «Заветы символизма» (1910)². Он полагает, что у Тютчева «русский символизм впервые творится, как последовательно применяемый метод, и внутренне определяется, как *двойное зрение*». Под последним понимаются артикулируемые в поэзии Тютчева дихотомии высшего и низшего, идеального и чувственного, духовного и плотского. Иванов подчеркивает, что и в сознании, и в творчестве Тютчев «переживает некий дуализм – раздвоение, или, скорее, удвоение своего духовного лица». В качестве иллюстрации приводятся хрестоматийные строки из стихотворения «О вещая душа моя!..», в которых душа именуется «жилицей двух миров», и пребывает «на пороге как бы двойного бытия». Иванов замечает, что тот же символический дуализм мира чувственных явлений и мира сверхчувственных откровенный присутствует у Новалиса. «Двойное зрение» Тютчева Иванов уподобляет обмену светом между макрокосмом и микрокосмом, поясняя сказанное фразой «Что вверху, то и внизу» из «Изумрудной скрижали», воспринятой, скорее всего, через посредство сочинений Мережковского. Здесь же Иванов цитирует стихотворение Тютчева «Как океан объемлет шар земной...»:

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины;
И мы плывем, пылающе бездной
Со всех сторон окружены [15, т. 2, с. 592].

Далее Иванов переходит к обсуждению вопроса о природе и назначении поэзии, замечая, что для Тютчева поэзия является отражением двойной тайны – «мира явлений и мира сущностей», что дается поэтом посредством символа «лебедя», отовсюду окруженного «славой тверди звездной». Цель поэзии – изображать «двойную бездну» мира как дихотомию внешнего (феноменального) и внутреннего (ноуменального) постижения. Аналогичная мысль формулируется Ивановым в докладе «Мысли о символизме» (1912). Разбирая строку Данте «Любовь, что движет солнца и светила», Иванов также говорит о «двух безднах», причем в тютчевском духе – при созерцании звездной «бездны вверху» в человеческой душе разверзается собственная, «нижняя» бездна. Душа вмещает в себе всю вселенную:

¹ Иванов Вяч. Чурлянис и проблема синтеза искусств (1914) [15, т. 3, с. 155]: «Как все встречается и сопрягается во взаимодействии и взаимопроникновении, и слетаясь, и совмещаясь, образует живую *ткань* единого целого! Как одно живет и творит в другом! Небесные силы восходят и нисходят, обмениваясь золотыми бадьями. На живоносных, благоухающих крыльях летят они с неба и проникают сквозь землю. И до глубочайших недр содрогается вселенная их гармоническим звучанием». Ср. Goethe. Faust, I, 447–453 [34, p. 98–99].

² Иванов Вяч. Заветы символизма (1910) [15, т. 2, с. 588–603].

«В ней самой открывается вселенная. Что видит она над собой *вверху*, то разверзается в ней *внизу*. <...> И в ней – солнце и звезды и созвучных гул сфер движимых мощью божественного Двигателя. Она поет в лад с космосом»¹.

Тему микрокосма и макрокосма, всматривающихся друг в друга, Иванов поднимает и в «Спорадах» (1908). При этом возникающая связь рассматривается как ориентированная по вертикали, связывающая «зенит» с «надиром»:

«что, если мы, глядящиеся в зеркало и видящие ответный взгляд, сами – живое *зеркало*, и наше зрящее око – только отсвет и отражение живого ока, вперенного в нас? Бросая от себя луч вовне, не приняли ли мы его раньше извне, отразив в своем *микрокосме* вселенскую тайну? И не в том ли эта тайна, что

в зеркальной Вечности Надир
Глядит в Зенит зеницею Зенита...»²

При этом человек, отражающий в себе мир, становится «живым зеркалом»: эту формулу Иванов заимствует из «Монадологии» Лейбница с ее принципом «все во всем»³. Чуть ниже Иванов продолжает:

«Человек <...>, созерцая безграничный мир, говорит ему: «ты – я», с тем же правом, с каким *Дух Макрокосма*, озирая себя бесчисленными своими очами, говорит человеческой *монаде*: «ты – я». Зенит глядит в Надир. Надир в Зенит – два ока, наведенные одно на другое, два *живых зеркала*, отражающие каждое душу другого <...> – «Ты во мне». – «Ты во мне»...

<...> Звездами говорит Сам в человеке к своему *я*; и, если звезды все же как бы таят некую тайну, это – воплощенное *я* в человеке не слышит, все еще не слышит, что говорит ему Сам»⁴.

К сложному сплетению аллюзий, частью которых у Иванова является идея «двух бездн», в этом фрагменте добавляются «Фауст» Гёте (к которому отсылают слова о «Духе Макрокосма»), Лейбниц («челове-

¹ Иванов Вяч. Мысли о символизме. Доклад в петербургском Обществе Ревнителей Художественного Слова (1912) [15, т. 2, с. 604–614]. Ср. *Ориген*. Гомилии на книгу Левит V: «Пойми, что ты – это еще один малый мир, и внутри тебя есть солнце, есть луна, и есть даже звезды» [2, 66–67], «intellige te alium mundum esse in parvo et esse intra te solem, esse lunam, esse etiam stellas» [35, p. 212].

² Иванов Вяч. Споры (1908) [15, т. 3, с. 125]. Ср. *Он же*. Сфинкс (1903) [15, т. 1, с. 651].

³ См. Лейбниц Г.В. Монадология, § 56: «Монада является бессмертным *живым зеркалом* (un miroir vivant) универсума». О «лейбницианстве» Иванова см.: [28, с. 46–51].

⁴ Иванов Вяч. Споры (1908) [15, т. 3, с. 130–131].

ческая монада») и формула индийской философии «ты есть то»¹. А сам цитируемый фрагмент представляет собой вариант более раннего текста – статьи «О “красном смехе” и “правом безумии”», в котором абсолютное «Я» и индивидуальное «я» всматриваются друг в друга:

«Мы – на пороге тайны и мистики. <...> Вера – орудие нашего самоуверждения за пределами нашего *я*. Мы как бы глядим в зеркало – и видим ответный взгляд. Но не живое ли зеркало – мы сами, и наше зрящее око не есть ли только отсвет и отражение иного живого ока, вперенного в нас? <...> Вселенская *тайна* в том, что

– В зеркальной Вечности Надир
Глядит в Зенит зеницею Зенита»².

Все приведенные примеры свидетельствуют о творческом усвоении Вяч. Ивановым концепции двух бездн и ее творческом развитии.

В целом мы видим, что тема «двух бездн» в русской литературе и философии образует развитую и богатую традицию. Образ бездны, восходящий к метафорике Ветхого Завета, получает философское звучание в поэзии М.В. Ломоносова. Ф.И. Тютчев создает оригинальную и влиятельную концепцию «двух бездн», которая позднее обогащается этическим и богословским содержанием у Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого. Важным этапом в насыщении образа «двух бездн» метафизическим содержанием становятся сочинения и идеи Д.С. Мережковского, в поэзии и прозе которого эта концепция переосмысливается, обогащается идеями, восходящими к Леонардо да Винчи, Данте, Ф. Ницше. Она усиливается теургическим принципом «что вверху, то и внизу», ведущим к онтологическому и аксиологическому уравниванию верхней и нижней бездн, обогащается собственными воззрениями Мережковского (например, взглядами на метафизику пола). У Вяч. Иванова, который находится под влиянием Мережковского, тема «двух бездн» также является важным элементом мировосприятия. Он задействует и заново переплавляет практически все же упомянутые источники этой многообразной традиции, добавляя к воспринятому набору идей представление о взаимопроникновении микро- и макрокосма, индуцированное чтением И.В. Гёте и Г.В. Лейбница, идею о всматривании двух Абсолютов друг в друга. (Кроме того, некоторые из соответствующих идей, – двойной Абсолют, две бездны, равенство верха и низа, – отразятся в художественных и теоретических работах А. Белого).

¹ Санскритская формула «Tat Twam Asi» («то ты еси») постулирует тождество космического (Брахман) и индивидуального (атман) начал. Формула впервые появляется в «Чхандогья-упанишаде», а затем становится важным принципом в школах Веданты. Иванову она была хорошо известна, см. Иванов Вяч. Tat Twam Asi (1903) [15, т. 1, с. 642].

² Ср.: [14, с. 47].

ЛИТЕРАТУРА

Источники:

1. *Апухтин А.Н.* Полн. собр. стихотворений. Л.: Сов. писатель, 1991. 448 с. (Библиотека поэта).
2. *Белый А.* Серебряный голубь. Рассказы. / Сост., предисл., коммент. В.М. Пискунова. М.: Республика, 1995. 334 с.
3. *Белый А.* Символизм. Книга статей / Общая ред. В.М. Пискунова. М.: Культурная революция, Республика, 2010. 527 с.
4. *Белый А.* Симфонии / Сост., послесл. и коммент. А.В. Лаврова. М.: Дмитрий Сечин, 2014. 450 с.
5. *Брюсов В.Я.* Стихотворения и поэмы. М.: Сов. писатель, 1961. 912 с. (Библиотека поэта).
6. *Вольнский А.Л.* Нравственная философия гр. Льва Толстого // Вопросы философии и психологии. 1890. № 5. С. 26–45.
7. *Гёте И.В.* Фауст. Трагедия / Пер. Б. Пастернака // Гёте И.В. Собр. соч.: В 10 т. Т. 2. М.: Худ. лит., 1976. 510 с.
8. *Да Винчи Леонардо.* Избранные произведения: В 2 т. М.; Л.: Academia, 1935. Т. 1. 363 с.
9. *Данте Алигьери.* Божественная комедия / Пер. М. Лозинского. М.: Наука, 1967. 628 с. (Литературные памятники).
10. *Державин Г.Р.* Стихотворения. Л.: Сов. писатель, 1957. 470 с. (Библиотека поэта).
11. *Достоевский Ф.М.* Братья Карамазовы, кн. 12, гл. 6 // Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14–15. 512 + 624 с.
12. *Иванов Вяч.* Евангельский смысл слова «земля» (1909) / Подгот. текста Ольги Фетисенко // Символ 53–54. 2008. С. 68–84.
13. *Иванов Вяч.* Доклад Евангельский смысл слова «земля». Письма. Автобиография (1926) / Публ., вступит. ст. и коммент. Г.В. Обатнина // Ежегодник рукописного отдела Пушкинского Дома на 1991 год. СПб.: Академический проект, 1994. С. 142–154.
14. *Иванов Вяч.* О «красном смехе» и «правом безумии» // Весы. 1905. № 3. С. 43–47.
15. *Иванов Вяч.* Собр. соч. Т. 1–4 / Под ред. Д.В. Иванова и О. Дешарт. Брюссель: Жизнь с Богом, 1971–1987.
16. *Иванов Вяч.* Стихотворения. Поэмы. Трагедия: В 2-х кн. / Сост., подгот. текста и прим. Р.Е. Помирного. СПб.: Академический проект, 1995. 480 + 432 с. (Новая Библиотека поэта).
17. *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 8: Поэзия. Ораторская проза. Надписи. 1732–1764. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 1280 с.
18. *Мережковский Д.С.* Л. Толстой и Достоевский / Изд. подгот. Е.А. Андрущенко. М.: Наука, 2000. 588 с. (Литературные памятники).
19. *Мережковский Д.С.* Полн. собр. соч.: В 24 т. М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1914.
20. *Мережковский Д.С.* Стихотворения и поэмы / Вступит. ст., сост., подгот. текста и прим. К.А. Кумпан. СПб.: Академический проект, 2000. 928 с. (Новая Библиотека поэта).

21. *Случевский К.К.* Стихотворения и поэмы. СПб.: Академический проект, 2004. 816 с. (Новая Библиотека поэта).
22. *Толстой Л.Н.* Исповедь (Вступление к ненапечатанному изданию) // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М.: ГИХЛ, 1957. Т. 23. С. 1–59.
23. *Тютчев Ф.И.* Полн. собр. соч. и писем: В 6 т. М.: Издательский центр Классика, 2002–2004.

Вторичная литература:

24. *Зейферт Е.И.* Неизвестные жанры золотого века русской поэзии. М.: Флинта, 2014. 380 с.
25. *Миц З.Г., Обатнин Г.В.* Символика зеркала в ранней поэзии Вяч. Иванова (сборники *Кормчие звезды* и *Прозрачность*) // Зеркало. Семиотика реальности (Тарту, 1988). С. 59–65 (Труды по знаковым системам, вып. 22. Уч. зап. Тартуского гос. ун-та, вып. 831).
26. *Петров В.В.* «Звездный храм» Иоанна Скотта – космос, выстроенный философом // Анатомия философии: как работает текст / Сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. М.: Языки славянской культуры, 2016. С. 267–306.
27. *Петров В.В.* Концептуальное и перцептуальное пространство в ранних работах Андрея Белого // Интеллектуальные традиции в прошлом и настоящем. Вып. 3 / Под общей ред. М.С. Петровой. М.: Аквилон, 2016. С. 287–331.
28. *Петров В.В.* «Разнотекущие потоки» в «Сне Мелампа» Вячеслава Иванова: интертекстуальный анализ // Europa Orientalis. 2016. № 35. С. 23–54.
29. *Петров В.В.* Символ и священнодействие в позднем неоплатонизме и в «Ареопагитском корпусе» // ПЛАТΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма / Под общей ред. В.В. Петрова. М.: Кругъ, 2013. С. 264–308.
30. *Петров В.В.* Фридрих Ницше и вечное возвращение // Мера вещей: Человек в истории европейской мысли / Под общей ред. Г.В. Вдовиной. М.: Аквилон, 2015. С. 773–879.
31. *Chenu Marie-Dominique.* “Involucrum: le mythe selon les théologiens médiévaux” // Archives d’Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Âge 22 (1955). P. 75–79.
32. *Duhem Pierre.* Études sur Léonard de Vinci. 2nd série. Paris: Hermann, 1909. 474 p.
33. *Goering L.* Belyj’s symbolist abyss // Slavic and East European Journal. 1995. Vol. 39. № 4. P. 570–571.
34. Goethe’s Faust. The original German and a New Translation and Introduction by Walter Kaufmann. New York: Anchor Books, 1990. 503 p.
35. *Origène.* Homélie sur le Lévitique. Texte latin, trad., notes par M. Borret. T. 1. Paris: CERF, 1981. 374 p. (Sources chrétiennes 287).
36. *Scheible Johann.* Das Kloster. Weltlich und geistlich. Meist aus der ältern deutschen Volks-, Wunder-, Curiositäten-, und vorzugsweise komischen Literatur. Band 5. Stuttgart, 1847. 1160 S.
37. The Notebooks of Leonardo da Vinci / Arranged, rendered into English and Introduced by Edward MacCurdy. Vol. I. London: Johathan Cape, 1921. 610 p.
38. *Zedlitz Joseph Christian von.* Todtenkränze. Wien, 1828. 113 S.

REFERENCES

Sources:

1. Apuhtin A.N. *Poln. sobr. stihotvorenij* [Full collection of poetry]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1991. 448 p. (Biblioteka pojeta). [In Russ.]
2. Belyj A. *Serebrjanyj golub'. Rasskazy* [A silver dove. Stories], sost., predisl., komment. V.M. Piskunova. Moscow, Respublika Publ., 1995. 334 p. [In Russ.]
3. Belyj A. *Simvolizm. Kniga statej* [Symbolism. Collection of articles], obshh. red. V.M. Piskunova. Moscow, Kul'turnaja revoljucija Publ., Respublika Publ., 2010. 527 p. [In Russ.]
4. Belyj A. *Simfonii* [Symphonies], sost., poslesl. i komment. A.V. Lavrova. Moscow, Dmitrij Sechin Publ., 2014. 450 p. [In Russ.]
5. Brjusov V.Ja. *Stihotvorenija i pojemy* [Verses and Poems]. Moscow, Sov. pisatel' Publ., 1961. 912 p. (Biblioteka pojeta). [In Russ.]
6. Volynskij A.L. Nravstvennaja filosofija gr. L'va Tolstogo [Moral philosophy of Leo Tolstoy]. *Voprosy filosofii i psihologii* [Philosophical and psychological questions], 1890, № 5, pp. 26–45. [In Russ.]
7. Gete I.V. Faust. Tragedija [Faust. A Tragedy], per. B. Pasternaka. Gete I.V. *Sobr. soch.: V 10 t. T. 2* [Collection of works: In 10 vols. Vol. 2]. Moscow, Khud. lit. Publ., 1976. 510 p. [In Russ.]
8. Da Vinchi Leonardo. *Izbrannye proizvedenija: V 2 t. T. 1* [Selected works: In 2 vols. Vol. 1]. Moscow, Leningrad, Academia Publ., 1935. 363 p. [In Russ.]
9. Dante Alig'eri. *Bozhestvennaja komedija* [Divine comedy], per. M. Lozinskogo. Moscow, Nauka Publ., 1967. 628 p. (Literaturnye pamjatniki). [In Russ.]
10. Derzhavin G.R. *Stihotvorenija* [Poems]. Leningrad, Sov. pisatel' Publ., 1957. 470 p. (Biblioteka pojeta). [In Russ.]
11. Dostoevskij F.M. Brat'ja Karamazovy [The Karamazoff brothers]. Dostoevskij F.M. *Poln. sobr. soch.: V 30 t. T. 14–15* [Full collection of works: In 30 vols. Vol. 14–15]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 512 + 624 p. [In Russ.]
12. Ivanov Vjach. Evangel'skij smysl slova “zemlja” (1909) [The word “earth” and its evangelical meaning], podgot. teksta Ol'gi Fetisenko. *Simvol* [Symbol], 53–54, 2008, pp. 68–84. [In Russ.]
13. Ivanov Vjach. Doklad Evangel'skij smysl slova ‘zemlja’. Pis'ma. Avtobiografija (1926) [Paper. The “earth” and its evangelical meaning. Letters. Autobiography (1926)], publ., vstupit. stat'ja i komment. G.V. Obatnina. *Ezhegodnik rukopisnogo otdela Pushkinskogo Doma na 1991 god* [Annals of the Manuscript Department of Pushkinskij Dom for 1991]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1994. pp. 142–154. [In Russ.]
14. Ivanov Vjach. O “krasnom smehe” i “pravom bezumii” [On “red laughter” and “right madness”]. 1905. *Vesy* [The Scales], № 3, pp. 43–47. [In Russ.]
15. Ivanov Vjach. *Sobr. soch.* [Collection of works]. T. 1–4, pod red. D.V. Ivanova i O. Deshart. Brussel, Zhizn' s Bogom Publ., 1971–1987. [In Russ.]
16. Ivanov Vjach. *Stihotvorenija. Pojemy. Tragedija: V 2 kn.* [Verses. Poems. A Tragedy: In 2 books], sost., podgot. teksta i prim. R.E. Pomirchego. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 1995. 480 + 432 p. (Novaja Biblioteka pojeta). [In Russ.]

17. Lomonosov M.V. *Poln. sobr. soch. T. 8: Pojezija. Oratorskaja proza. Nadpisi. 1732–1764* [Full works. Vol. 8: Poetry. Declamatory prose. Inscriptions. 1732–1764]. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ., 1959. 1280 p. [In Russ.]

18. Merezhkovskij D.S. *L. Tolstoj i Dostoevskij* [Tolstoy and Dostoevsky], izd. podgot. E.A. Andrushchenko. Moscow, Nauka Publ., 2000. 588 p. (Literaturnye pamjatniki). [In Russ.]

19. Merezhkovskij D.S. *Poln. sobr. soch.: V 24 t.* [Full works: In 24 vols.]. Moscow, I.D. Sytin Publ., 1914. [In Russ.]

20. Merezhkovskij D.S. *Stihotvorenija i pojemy* [Verses and poems], vstupit. stat'ja, sost., podgot. teksta i prim. K.A. Kumpan. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2000. 928 p. (Novaja Biblioteka pojeta). [In Russ.]

21. Slucevskij K.K. *Stihotvorenija i pojemy* [Verses and poems]. Saint Petersburg, Akademicheskij proekt Publ., 2004. 816 p. (Novaja biblioteka pojeta). [In Russ.]

22. Tolstoj L.N. Ispoved' (Vstuplenie k nenapechatannomu izdaniju) [Confession. Introduction of an unpublished edition]. Tolstoj L.N. *Poln. sobr. soch.: V 90 t. T. 23* [Full works: In 90 vols. Vol. 23]. Moscow, GIKhL Publ., 1957, pp. 1–59. [In Russ.]

23. Tjutchev F.I. *Poln. sobr. soch. i pisem: V 6 t.* [Full collection of works and letters: In 6 vols.]. Moscow, Klassika Publ., 2002–2004. [In Russ.]

Secondary literature:

24. Zejfert E.I. *Neizvestnye zhanry zolotogo veka russkoj poezii* [Unknown genres of Russian poetry]. Moscow, Flinta Publ., 2014. 380 p. [In Russ.]

25. Minc Z.G., Obatnin G.V. Simvolika zerkala v rannej poezii Vjach. Ivanova (sborniki Kormchie zvezdy i Prozrachnost') [The symbolism of a mirror in Vyach. Ivanov's early poetry (Stars of a Helmsman and Transparency)]. *Zerkalo. Semiotika real'nosti* [Mirror. Semiotics of reality]. Tartu, 1988, pp. 59–65 (Trudy po znakovym sistemam, vyp. 22. Uch. zap. Tartuskogo gos. un-ta, vyp. 831). [In Russ.]

26. Petroff V.V. “Zvezdnyj hram” Ioanna Skotta – kosmos, vystroennyj filosofom [“The temple of stars” of John Scotus – a cosmos built by a philosopher]. *Anatomija filosofii: kak rabotaet tekst* [Anatomy of philosophy: how a text works], sost. i otv. red. Ju.V. Sineokaja. Moscow, Jazyki slavjanskoj kul'tury Publ., 2016. pp. 267–306. [In Russ.]

27. Petroff V.V. Konceptual'noe i perceptual'noe prostranstvo v rannih rabotah Andreja Belogo [Conceptual and traditional space in early works of Andrey Bely]. *Intellektual'nye tradicii v proshlom i nastojashhem* [Intellectual traditions in past and present]. Vyp. 3, pod obshch. red. M.S. Petrovoj. Moscow, Akvilon Publ., 2016. pp. 287–331. [In Russ.]

28. Petroff V.V. “Raznotekushhie potoki” v “Sne Melampa” Vjacheslava Ivanova: intertekstual'nyj analiz [“Flows that go in different way” in “The ream of Melampus” by Vyach. Ivanov: an intertextual analysis]. *Europa Orientalis*, 2016, № 35, pp. 23–54. [In Russ.]

29. Petroff V.V. Simvol i svjashhennodejstvie v pozdnem neoplatonizme i v “Areopagitskom korpusu” [Symbol and sacred rite in late Neoplatonism and in

Corpus Areopagiticus]. ΠΛΑΤΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. *Issledovanija po istorii platonizma* [Research on the history of platonism], pod obshch. red. V.V. Petroff. Moscow, Krug Publ., 2013. pp. 264–308. [In Russ.]

30. Petroff V.V. Fridrih Nicshe i vechnoe vozvrashhenie [Friedrich Nietzsche and eternal return]. *Mera veshhej: Chelovek v istorii evropejskoj mysli* [The measure of all things: Man in the history of European thought], pod obshch. red. G.V. Vdovinoj. Moscow, Akvilon Publ., 2015. pp. 773–879. [In Russ.]

31. Chenu Marie-Dominique. Involucrum: le mythe selon les théologiens médiévaux. *Archives d'Histoire Doctrinale et Littéraire du Moyen Âge* 22 (1955), pp. 75–79.

32. Duhem Pierre. *Études sur Léonard de Vinci*. 2nd série. Paris, Hermann, 1909. 474 p.

33. Goering L. Belyj's symbolist abyss. *Slavic and East European Journal*, 1995, Vol. 39, № 4, pp. 570–571.

34. *Goethe's Faust*, the original German and a New Translation and Introduction by Walter Kaufmann. New York, Anchor Books, 1990. 503 p.

35. Origène. *Homélie sur le Lévitique*, texte latin, trad., notes par M. Borret. T. 1. Paris, CERF, 1981. 374 p. (Sources chrétiennes 287).

36. Scheible Johann. *Das Kloster. Weltlich und geistlich. Meist aus der ältern deutschen Volks-, Wunder-, Curiositäten-, und vorzugsweise komischen Literatur*. Band 5. Stuttgart, 1847. 1160 S.

37. *The Notebooks of Leonardo da Vinci*, arranged, rendered into English and Introduced by Edward MacCurdy. Vol. I. London, Johathan Cape, 1921. 610 p.

38. Zedlitz Joseph Christian von. *Todtenkränze*. Wien, 1828. 113 S.

«Атлантида» Мережковского: источники и рецепция¹

А.В. Протопопова (Журбина), О.А. Коростелев

Аннотация: Статья посвящена анализу второго тома трилогии Д.С. Мережковского «Тайна Трех» – книге «Тайна Запада. Атлантида–Европа». Тематически она делится на две части: первая занята анализом цитирования у Мережковского на предмет выявления уровня точности цитат и ссылок, вторая – реакцией современников на его масштабный труд. Новизна статьи заключается в том, что исследование цитат и ссылок показывает своеобразие цитирования, отмечает «ошибки» в них и предпринимает попытку объяснить их появление; отдельно отмечается цитирование Вяч. Иванова, проведенное, судя по всему, по неизвестному нам варианту текста этого автора; дается подборка откликов современников на «Атлантиду». Мережковский был известен своей страстью к цитатам и источникам, для написания «Атлантиды» он перечел, кажется, все, что было доступно на тот момент по этой теме, и впервые снабдил свой текст, фактически, научным аппаратом, что показывает важность указания источников для него, однако, как показано в выводе, его гигантский труд оказался в то время не востребован современниками: ни учеными, ни литературными критиками.

Ключевые слова: Д.С. Мережковский, «Атлантида–Европа», цитаты, ссылки и источники, рецепция.

Информация об авторах: Протопопова (Журбина) Анна Викторовна – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 Москва, Россия. E-mail: anna-tristis@yandex.ru; Коростелев Олег Анатольевич – кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, ул. Поварская, д. 25а, 121069 Москва, Россия. E-mail: okorostelev@mail.ru

¹ Исследование выполнено в Институте мировой литературы им. А.М. Горького РАН за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01432).

СОДЕРЖАНИЕ

От составителей..... 3

I

Е.А. Андрущенко
Текстологические заметки к статье Д.С. Мережковского «Гёте»..... 7

М.С. Баликова
Сферы эстетического и этического в осмыслении Д.С. Мережковского-символиста..... 17

О.А. Богданова
Мережковский-публицист 1917–1918 гг.: диалог с Достоевским..... 27

И.А. Виноградов
«Отрекись от Пушкина!» Требовал ли этого от Гоголя протоиерей Матфей Константиновский? (Источниковедческий анализ)..... 38

А.А. Гапоненков
С.Л. Франк в полемике с Д.С. Мережковским..... 50

С.А. Гарциано
Пореволюционное культурное наследие Д.С. Мережковского на французском языке..... 60

А.А. Гордин
Д.С. Мережковский в Латвии. Рецепция личности и творчества (1920–1930-е гг.)..... 81

Б.С. Дугаров
Буддийская струна в поэзии Д. Мережковского..... 97

А. Дудек
Образ механизмов политики в творчестве Д.С. Мережковского..... 108

Я.Л. Забудская
Вольность и точность в переводах «Медеи» Еврипида:
Д.С. Мережковский, И.Ф. Анненский, И. Бродский..... 125

Л.А. Колобаева
Толстой и Достоевский в оценке Мережковского и в рефлексии поэтов XX века (И. Бунин, И. Бродский)..... 138

Н.Г. Коптелова
Миф о Пушкине в критическом исследовании Д.С. Мережковского «Гоголь и черт»..... 149

Л.Ф. Луцевич
«Исповедь» в биографическом очерке Дм. Мережковского «Августин»... 157

А.В. Мартынов
«Обидеть больно старого писателя»: Рецепция Дмитрия Мережковского в эпистолярном наследии Ивана Шмелева периода эмиграции..... 172

М.В. Михайлова
Д.С. Мережковский на страницах Дневника директора Императорских театров В.А. Теляковского..... 181

В.Э. Молодяков
Д.С. Мережковский и его посмертная борьба с большевизмом: сборник статей «Европа лицом к лицу с СССР» (1944)..... 195

Приложение 1
Зинаида Гиппиус. Европа лицом к лицу с СССР (Перевод Василия Молодякова с французского перевода Жана Шюзвиля)..... 203

Приложение 2
Жан Шюзвиль. Речь, произнесенная 5 сентября 1943 г. на открытии надгробного памятника Мережковскому на кладбище Сент-Женевьев-де-Буа (Перевод Василия Молодякова)..... 205

Ю.Б. Орлицкий
Особенности стиха Д. Мережковского..... 210

Е.А. Осьминина
Гностическое наследие в прозе Д.С. Мережковского..... 225

В.В. Петров
«Две бездны» в русской литературной и философской традиции:
Ф. Тютчев, Д. Мережковский и Вяч. Иванов..... 240

<i>А.В. Протопопова (Журбина), О.А. Коростелев</i> «Атлантида» Мережковского: источники и рецепция.....	269
<i>О.В. Пчелина</i> «Бог прошел по миру и оставил следы свои в мире – символы»: символистская концепция Д.С. Мережковского.....	285
<i>С.А. Серегина</i> Эстетика природы Д.С. Мережковского.....	298
<i>А.А. Степачева</i> Образ Джоконды в романе Д.С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи»: структура, экфрасис.....	307
<i>Б.Н. Тарасов</i> Проблематика религиозной и философской коммуникации в творчестве Д.С. Мережковского на примере его восприятия личности и мысли Паскаля.....	314
<i>В.М. Толмачёв</i> Святой Наполеон Д.С. Мережковского.....	327
<i>Е.В. Хворостьянова</i> Пародии на Д. Мережковского в русской юмористической журналистике 1880-х – 1890-х гг.	336
<i>Приложение</i> Пародии на Д. Мережковского	350
<i>М. Цимборска-Лебода</i> «Рыцарь бедный» или «Странник по пустыням (не)бытия»? Андрей Белый, Вяч. Иванов и Николай Бердяев о Мережковском.....	360

II

<i>Е.А. Андрущенко, О.А. Коростелев, А.А. Холиков</i> Забывтая повесть Д.С. Мережковского	387
<i>Приложение</i> Дмитрий Мережковский. «Самозванец» (<i>Публикация, подготовка текста</i> <i>О.А. Коростелева</i>).....	397
<i>О.А. Блинова</i> Парижская научная библиотека Д.С. Мережковского.....	436
<i>Приложение</i> Список изданий, проданных В.А. Злобиным НБФ в 1950 г.	451

<i>А. Дудек</i> Польские публикации, посвященные Дмитрию Мережковскому (1905–2016): Материалы к библиографии.....	457
<i>Н.Ю. Харитонова</i> Андре Жид – друг СССР. Рождение репутации (К переводу статьи Д. Мережковского)	480
<i>Приложение</i> Дмитрий Мережковский. Андре Жид и СССР (<i>Перевод</i> <i>Н.Ю. Харитоновой</i>).....	492
<i>А.А. Холиков, О.А. Коростелев</i> Публицистика Д.С. Мережковского (1917–1918 гг.)	496
<i>Приложение</i> Статьи Д.С. Мережковского 1917–1918 гг., не включенные в авторские сборники: «14 марта», «Ангел революции», «О патриотизме (Отрывочные заметки)», «Есть Россия», «Упырь», «1825–1917», «Россия будет (Интеллигенция и народ)» (<i>Публикация, подготовка текста</i> <i>и примечания О.А. Коростелева и А.А. Холикова</i>)	511
<i>А.А. Холиков</i> Эпистолярное и связанное с ним наследие Д.С. Мережковского (материалы к библиографии)	565
<i>А.А. Холиков</i> Исследования о жизни и творчестве Д.С. Мережковского (избранная библиография)	572
Именной указатель (<i>Н.А. Дровалева</i>).....	661